

The cover features several black silhouettes of snakes, each with intricate white patterns. One snake at the top left has a dragonfly-like pattern. Another on the right has a sunburst pattern. A third on the right has a dragonfly pattern. The largest snake at the bottom right is decorated with a leafy branch pattern.

А. Фуллер

ЗМЕЕЛОВЫ ИЗ ПАРАНСАНА

Издательство АСТ
МОСКВА

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Ф94

А. Фуллер
ЗМЕЕЛОВЫ ИЗ ПАРАНСАНА

Любое использование материалов данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается

Иллюстрация на переплете *Сини Летовой (XINSHI麻雀)*
Дизайн переплета *Анастасии Чаругиной*

Фуллер А.

Ф94 Змееловы из Парансана / А. Фуллер. — Москва : Издательство АСТ, 2026. — 416 с. — (Игры на выживание. Фантастика).

ISBN 978-5-17-182361-0

На Северном материке — заснеженные вершины и нет транспорта, кроме горных козлов.

На Южном — холмы с кипарисами.

И там, и там — кровожадные, пожирающие людей змеи.

Лишившись в бою с ними пальцев и глаза, лейтенант Маттео Риви отправляется на Север — искать новое место службы.

Всем кажется, Риви сошел с ума. Его наградили за героизм и отпустили с миром — зачем снова надевать военную куртку с мангустом?

Но цель Риви — спасти от разумной змеи человека по имени Акира Фрост.

Риви не знает трех вещей.

Акира Фрост — его новый капитан.

Акира Фрост — женщина.

Акира Фрост — женщина, которой не нужна защита.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Фуллер А., 2026

© Мин А. (*Alen Min*), Габидуллина Л. (*dead white square*), внутренние иллюстрации, 2026

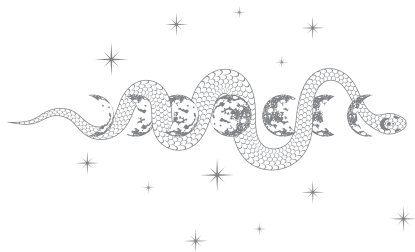
© Звонцова Е., иллюстрация на форзаце, 2026

© Мосунова А. (*Cap-Cap*), иллюстрация на нахзаце, 2026

ISBN 978-5-17-182361-0 © ООО «Издательство АСТ», оформление, 2026

Из тысячи встреч, разговоров и столкновений непременно будет одна такая встреча и одно столкновение, которые вкупе создадут благоприятный случай, и, умело воспользовавшись им, человек сможет опрокинуть все препятствия на пути к своей цели, выполнив тем самым предопределение.

Леонид Соловьев.
Повесть о Ходже Насреддине

Пролог

Какого черта они такие огромные?! Какого черта они с лапами?! Когда нас уверяли, что тут есть змеи и они безопасны, я думал, это ужи, а не драконы со змеиными мордами.

Из книги воспоминаний пророка Фóмина

Черные волны облизывали борта парусного корабля. Вдали виднелся городок, весь разрушенный: зеленая деревянная церковка без купола, будто кто-то срезал его гигантским ножом, и обрубки жилых домов.

По скале ползли коричневые пятна. Майор Фрост представил, как кровь льется по узким, хорошо знакомым улицам до обрыва, а потом стекает в океан, и подавил приступ тошноты. Сойти на берег Фрост так и не смог.

— Майор, простите... Вы ведь отсюда? — Минхи нарушил тишину. — Это ваша... родина?

— Да, рядовой, — прохрипел в ответ Фрост, убрав в чехол курительную трубку. Порыв ветра забрался

ему под дубовый шерстяной ханбок¹, на нос шлепнулась колючая капля. — Нью-Сибирск.

Минхи отвел взгляд от скалы.

Город был жив еще вчера. А сегодня его не стало.

Вечером Нью-Сибирск подал сигнал бедствия: надрывающийся колокол услышали в прибрежном Шэне, и новости тут же разнеслись по Северному материка.

«Змеи, змеи, змеи на Юге, — кричали мальчишки на рынке, когда майор Фрост под конец дня пришел за кимчи и картошкой. — У самой границы! Через Срединный пролив! Их десять! Никто не отправил помощь!»

Майор знал: помогать уже поздно. Город, где нет погранслужбы, где остались только рыбаки, пекари и их старые жены, обречен.

Он был обречен еще сорок лет назад. Тогда из леса вышли двенадцать змей — краснохвостых, лютых, охочих до крови. Часто во сне майор видел одну и ту же картину — старший брат, Нико, держит его над обрывом: *«Саика, помнишь, как дед плавать учил, ты не ссы, только гребь, подальше отсюда гребь...»* Потом — странное чувство: сердце рвется вверх, а тело летит вниз, в ледяную черную воду, и наконец входит в нее целиком.

¹ Парансанский военный ханбок состоит из распашного жакета и штанов на завязках. Вдохновлен традиционным корейским костюмом, но проще по крою и с ремнем для оружия. По желанию пограничника шьется с капюшоном или без. Может быть и зимним, и летним.

Сашка был сильный, жилистый и греб. Через несколько часов его, полумертвого, нашло торговое судно и увезло на Север. Тогда половина Нью-Сибирска уцелела — змеи, напившись крови, отступили обратно в лес. А Сашке в интернат при Горной военной школе пришло сухое письмо: *«Николай Фрост, Павел Фрост найдены мертвыми на ул. Гамильтона, семь. Похоронены в братской могиле».*

Так мальчишка с Южного материка стал северянином — и сиротой.

— Домой, майор? — спросил Минхи. — Наши вернулись, говорят, нет там живых, одни трупы. — И еле слышно добавил: — Простите.

Майор Фрост сделал два шага вперед, скрипнув жесткими сапогами. Опустил глаза, зачем-то пытаясь рассмотреть, что скрывается за масляно-черной толщей. Вода, напившаяся змеиного яда и крови, шипела и убаюкивала. Пройдет не меньше месяца, прежде чем она снова станет чистой и можно будет ловить рыбу.

— Да, — ответил Фрост. — Домой.

В этот момент из набежавшей волны вынырнула тонкая ручка. Вынырнула — и тут же исчезла. Фрост подумал было, что показалось, но ручка мелькнула вновь, а следом за ней — синюшное детское личико.

— Мертвый? — с сомнением произнес подошедший Минхи. Он тоже пытался взглянуть в черноту воды.

Конечно мертвый. Слишком много времени прошло, слишком далеко от берега, слишком загаженная

ядом вода, в которой, как в болоте, вязнут конечности. Разумеется, мертвый, он же весь синий.

Что было бы с Фростом, если бы те торговцы на кораблике, нагруженном бутылками соджу, не разглядели бы его в черной воде? Что было бы, если...

— Вытаскивайте.

— Есть, майор.

Трое солдат-погранцов запрыгнули в шлюпку, и Фрост отвернулся. Он стоял так минут десять, стараясь не прислушиваться и не гадать.

Шумный всплеск, удар и наконец звук канатов, поднимающих лодку.

— Майор...

Минхи бережно положил маленького утопленника на мокрую палубу. Разорванное когтями плечо. Волосы, закрывающие лицо — так, что видны только плотно сжатые губы. Сорочка, пропитанная кровью вперемешку с ядом. И кисло-горький, тошнотный запах — такой бывает только у змеиных жертв.

Солдаты стояли поодаль не шевелясь.

— Земной пророк Донсу, земной пророк Мако-то... — забормотал Минхи.

— Брось молитвы, рядовой, — с раздражением осадил его Фрост.

Он присел на корточки перед утопленником, откинул с серо-голубоватого лба липкие темные пряди. Девочка. Лет десяти. Может, ее, как и Фроста сорок лет назад, скинули со скалы. Может, она, не удержавшись, полетела в воду, когда тварь напала у обрыва. Может, и прыгнула.

Во всяком случае, девчонка с обезображенным плечом не сдавалась. Плыла дальше и дальше от берега, преодолевая боль.

Дернувшись от вони, майор прижал ухо к костлявой детской груди. Тишина, тишина и потом один слабый, вымученный удар, а за ним еще два.

— Живая. Яду сюда.

Минхи замешкался. Майор знал: сложный, сомнительный приказ.

Большой глоток яда, добытого из змеинового сердца, убивал. Капля — лечила аспидову лихорадку, вспыхивающую то тут, то там на обоих материках. Бледная, влажная кожа, кашель, жар под сорок и — первый признак — чернеющие губы и ногти: одни мучились месяцами, вторые сторали за ночь. Города превращались в кладбища. Дети, рослые мужики — закапывали семьями. Помочь мог только яд.

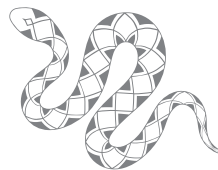
Но у девчонки не было лихорадки — не смогла бы плыть. А от змеиных когтей яд не спасал.

Нет, такие случаи были. Редко, по неизвестной врачам причине, люди, покромсанные змеями, получив дозу, тоже выздоравливали. Но Фрост знал лишь одного человека, которому яд помог, — этим человеком был он сам. Сотню — кому не помог. В той проклятой сотне одиннадцать лет назад оказался генерал Акира Сато — наставник в военной школе, заменивший и брата, и деда, и вообще все.

Так стоит ли тратить ценное лекарство на того, кто точно уже не жилец?

— Рядовой, яду, — нетерпеливо повторил Фрост.

— Есть.

Минхи присел рядом, пальцем оттянул девочке нижнюю губу и с трудом влил каплю яда из крошечного пузырька с пипеткой. Солдаты негромко загудели. Майор продолжал вглядываться в сине-серое лицо со сведенными в гримасе бровями. У детей не должно быть таких лиц.

Минхи искал пульс на тонкой шее с черными линиями вен.

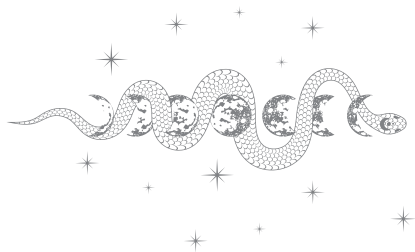
— Теплеет, майор, — произнес он ошарашенно, отдернув руку, как от огня.

Кожа утопленницы медленно розовела. Губы разомкнулись, и из них вытекла струйка воды.

— Земные пророки явили чудо! — воскликнул кто-то из погранцов, и остальные радостно завопили в ответ.

Девчонка закашлялась, выплевывая воду, и разомкнулись воспаленные глаза.

Глава 1

Белый человек

Пограничники. Я решил называть нас так. Мне нравится это слово из прошлой жизни.

Из книги воспоминаний пророка Донсу

Двадцать лет спустя

Будка стояла у самого склона. Кругом лежал снег, такой белый и искристый, что у Риви заслезился глаз. Наверху виднелись елки — злые, будто утренние дозорные, — верхушками подпирающие глянцевое голубое небо.

— Ну скажите, хорошо ведь у нас на Севере-то, лейтенант? — пробасил пограничник. — Даже воздух другой. Не то что на Юге вашем.

Окошко в будке было высоко, над макушкой Риви. Он мог видеть только кусок серого ханбока и волосатую руку, листящую его документы: бумагу Южной погранслужбы с печатью об увольнении, приписное на реджийском и паспорт с отметкой о римском гражданстве.

Поэтому и приходилось смотреть ниже — на росчерк огромных, продравших железо когтей на стене будки. Слева на снегу странным узором застыли брызги крови. Неизвестная птица, с коротким криком бросившись в сугроб, вытащила трофей, по виду — кишки.

— На Севере? Хорошо, — сказал Риви, задумчиво проводив птицу взглядом.

Из окна высунулась рука с документами. Риви кое-как удержал приписное и сунул в нагрудный карман, где перекатывались два бутылка граппы. Башка кружилась. Граппа покалывала на кончике языка.

— Только вот козлов у меня совсем нету, лейтенант. Пятерых наши вчера забрали, а троих сожрали, падлы. На козле бы вмиг до Парансана домчали.

— Я пешком, — процедил Риви, со злостью подумав про мокрые ноги и лысый китель.

— Да уж я-то про вас слышал, лейтенант. — Вслед за рукой высунулась квадратная голова, и на Риви установились глаза-щелки. — Вам-то эти падлы не страшны. Вам-то до Парансана дойти — легче легкого.

— Как два пальца, — согласился Риви, подняв криво заштопанную правую руку с чудом уцелевшими указательным и большим.

Пограничник замер, потом огладил концы усов, болтающиеся у самого подбородка, и заготовал.

«Похоже, у них так не говорят», — подумал Риви.

— Вы уж простите, лейтенант. Вы на северном так шпарите. Но акцент и словечки эти ваши... Будто все детство в Шэне со шпаной провели. И глаза еще. В смысле... глаз.

— Глаза?

— Извините, лейтенант Риви. Хотел сказать — северные глаза, только и всего.

— Северные. Как есть.

— А волосы... Как такой цвет на Юге называется — ржавый?

— На реджийском — марроне-россо.

— Длинные бы вам, лейтенант, да почернее. И будете прям типичный северянин, — закивал пограничник, уверенный, что делает комплимент.

— Дед с Севера был, в него пошел, — выдал Риви годами отработанное вранье.

Хотя, может, и не вранье, поди разбери. Оставляя семилетнего сына у ворот военной школы, мать как-то забыла поговорить об их славной родословной.

— Так, значит, в Парансан — на родину деда?

Вот же привязался.

— Именно. Помолиться за предков в храме земного пророка Донсу, — смиренно произнес Риви, задрал голову к небу.

Хитрая птица сидела на елке и поклевывала кишки.

— Дело благое, лейтенант. У нас тут края суровые, но честные. А уж лучше нашего командира нигде нет — хоть на Севере, хоть на Юге.

При упоминании командира Риви оживился.

— Скажите, а командир с Южного материка? — спросил он будто невзначай. — Как там его фамилия..

— Фрост. Ну, история долгая.

— А то, что он остановил нападение на город, — правда? — перебил Риви.

— Абсолютная, лейтенант, — усатый пограничник заулыбался. — А то мне не знать.

«Любопытно, любопытно», — подумал Риви. Может, командиру с южной фамилией будет плевать на такую ерунду, как съеденные пальцы и убитое змеиным ядом зрение?

Риви кивнул на прощание и направился по заснеженной дорожке вверх, в гору.

— Стойте, лейтенант.

— А?

— Вы это, потише. Земля-то дрожит, раз в час примерно. Нехорошо. Да хранят вас пророки.

— Аминь, — хмыкнул Риви, и пограничник удивленно моргнул.

Похоже, и это на Севере не говорят. Что за люди.

Солнце потихоньку начинало припекать. Воздух тут и правда был другой — звенящий, горький, как стопка ледяной граппы в жару. Утопая сапогами в снегу, Риви поднимался выше. Наконец впереди показалась очередная гора, а под ней дома, сдавленные обручем городской стены.

«Сан» — «гора», так говорят северяне. «Парансан» — «синяя гора».

— Ни черта не синяя, серая, — сказал Риви сам себе, отдышавшись.

Голос в абсолютной тишине прозвучал странно и гулко. От ветра вздрогнули острые елочные верхушки, скрипнул под ногами снег.

— Серая гора! — закричал Риви.

— ...ра, — ответило эхо.

— Ха, — сказал Риви.

Почему-то стало радостно и легко — и Риви удивился. Странно. Последние дни его сжирало одно лишь чувство вины. Радости он не испытывал с битвы за Реджо.

И, поддавшись порыву, Риви загорланил народную песню, что любили в его деревне. Мотив он не помнил, слов — тоже, поэтому пел как придется:

— Счастье! За руки держась, далеко идти! Счастье! Счастье!

— ...частье, счастье, — подпевало эхо.

Тут земля дрогнула и замерла. Потом еще раз дрогнула и еще раз замерла. Откуда-то сверху посыпались мелкие камешки, качнулись туда-сюда елки, и вновь стало тихо. Риви замолчал, прислушался. Пронесло будто бы.

Но нет. Слева в скалах, меж деревьев и снега, показалось пятнистое тело. Риви нащупал на поясе кинжал, вытащил его, едва удерживая двумя пальцами. Тварь двигалась быстро — быстрее тех, что на Юге, — и уже секунд через десять стояла перед ним на задних лапах, показывая два ряда ядовитых зубов и синий раздвоенный язык. Эта была здоровая — в три человеческих роста, в то время как южные едва доходили до двух.

Риви сделал шаг назад и тут же потерял равновесие — тварь выгнула спину и выбила оружие у него из рук, легко, будто тонкую ветку. Разверзлась громадная пасть, способная проглотить хоть человека, хоть целую корову. Раздвоенный язык сомкнулся вокруг грудной клетки Риви. Он знал: начнешь дергаться — переломает ребра, а потом сожрет. Нужно попытаться выскользнуть из хватки и выпрыгнуть в сугроб — так, может, и не сдохнешь.

Риви пригнул голову от клыков, попытался освободить руку — не смог. Хватка жилистого языка не ослабевала, грудь сдавливало только сильнее. Красное горло

